

Л.Л. Ивченко*

М.И. КУТУЗОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. Проблемы изучения биографии полководца

Два десятилетия, предшествовавшие празднованию 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года, были наполнены усердной работой над «ошибками прошлого». Многим специалистам, занимающимся проблемами Наполеоновских войн, отечественная историография, существовавшая до них, представлялась сплошным конвейером умышленных фальсификаций, в связи с чем единственной методологической основой новых исследований до сих пор является преодоление идеологической составляющей, которая обозначается как «лжепатриотизм», основанный либо на дореволюционном «псевдопатриотизме», либо на его советском тоталитарном варианте — «сталинизме». И с этого «конька» современные авторы, по-видимому, слезать не собираются. На наш взгляд, наиболее показательна в этом отношении историографическая ситуация, постепенно сложившаяся вокруг имени великого русского полководца Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова.

Наличие критических замечаний в адрес М.И. Кутузова как военачальника и как человека в отечественной историографии — не новость. Можно даже выделить определенные особенности и закономерности этого историографического явления, до сих пор не подвергавшегося обстоятельному анализу. Например, довольно скептически оценивали роль полководца в Отечественной войне 1812 года дореволюционные историки М.И. Богданович и А.П. Витмер¹, с именами которых связано зарождение критического направления в изучении событий той эпохи. Но историк, по справедливому замечанию военного писателя-публициста И.П. Липранди, «сам не может ничего свидетельствовать. Он будет говорить только то, что говорят другие <...>»², то есть опираться на мнения «самовидцев». Откуда же на протяжении многих десятилетий историки черпали материал для критики одного из самых популярных в России военных деятелей? Их мнения основывались на письмах, дневниках, воспоминаниях современников, содержащих негативные

* *Лидия Леонидовна Ивченко, кандидат исторических наук, главный хранитель Музея-панорамы «Бородинская битва».*

¹ *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. 1–3. СПб., 1859–1860; *Витмер А.Н.* Бородинский бой: опыт критического исследования // Военно-исторический сборник. 1913. № 2.

² *Липранди И.П.* Материалы для Отечественной войны 1812 года. Сборник статей. СПб., 1867. С. 118.

высказывания о «свойствах» победителя Наполеона в 1812 г. Достаточно вспомнить отзывы о нем сослуживцев — Л.Л. Беннигсена³, П.И. Багратиона⁴, Ф.В. Ростопчина⁵, А.П. Ермолова⁶, А.Ф. Ланжерона⁷. Но, при всей авторитетности вышеназванных имен русских военачальников, не они заложили прочный фундамент «антикутузовского» направления в отечественной историографии, истоки которого бесспорно восходят к эпистолярной активности известного полководца М.Б. Барклая де Толли. Его «Оправдательные письма», адресованные императору Александру I, оказали сильное воздействие на становление отечественной историографии, посвященной событиям 1812 года. Цикл «Оправданий» имеет весьма сложную историю, подробно рассмотренную в монографии А.Г. Тартаковского⁸. Исследователь специально ввел в классификацию источников такое понятие, как «мемуары в форме документов служебного назначения», и с полным основанием причислил к ним одно из писем Барклая — «Изображение военных действий 1-й Западной армии в 1812 году»⁹. Именно в этом документе, созданном в ноябре-декабре 1812 г., впервые была изложена стройная версия основных событий Отечественной войны, направленная против Кутузова. Можно сказать, что обостренное чувство личного соперничества явилось одной из основных мотиваций к созданию всего цикла «Оправданий». Нельзя забывать, что дошедшая до нас официальная и личная переписка Кутузова, которая, к сожалению, все меньше привлекает внимание историков, — синхронные источники, оставляющие специалистам несравненно больший простор для толкования, в то время как «Оправдательные письма»¹⁰ Барклая создавались «задним числом» с конкретной целью, и в них все точки над «i» уже расставлены. В книге А.Г. Тартаковского перечислен ряд публикаций и названы имена авторов, прибегнувших к скрытому и, можно сказать, сплошному цитированию «Оправдательных» писем уже в публицистических сочинениях 1814—1816 гг.¹¹ Как проникла «антикутузовская» версия Барклая в русскую историографию

³ Беннигсен Л.Л. Письма о войне 1812 года. Киев, 1912.

⁴ Князь Багратион — графу Ростопчину. 16 августа 1812 г. // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812—1812 гг.). М., 2006. С. 100.

⁵ Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе // Ох, французы! М., 1992; Переписка Императора Александра Павловича с графом Ф.В. Ростопчиным (1812—1814) // Русская старина. 1893. № 1.

⁶ Ермолов А.П. Записки. М., 1991.

⁷ Ланжерон А.Ф. Из «Записок графа Ланжерона» о Русско-турецкой войне 1806—1812 гг. // Тактика победы. М., 2011. С. 295—413.

⁸ Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай. М., 1996.

⁹ Там же. С. 74—75.

¹⁰ Харкевич В.И. Переписка Императора Александра и Барклая де Толли в Отечественную войну // Военный сборник. 1903. № 11—12; 1904. № 1; 1906. № 3.

¹¹ Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 137—239.

задолго до публикации его писем? Почему даже самое одиозное «антикутузовское» сочинение Барклая — «Изображение военных действий 1-й Западной армии»¹² — получило в обществе едва ли не самое широкое распространение? Его копия неосторожно была передана в декабре 1812 г. Александром I бывшему начальнику Главного штаба 2-й Западной армии П.И. Багратиону генералу Э.Ф. де Сен-При. Документ, содержащий резкие выпады в адрес военачальника, смертельно раненного при Бородине, возмутил пылкого француза, и он передал его другому, не менее преданному памяти Багратиона сподвижнику Н.А. Старынкевичу. Так «секретный» документ пошел «гулять по рукам»: А.Г. Тартаковский выявил пятнадцать копий только 1810-х годов. Причем сам ученый считал найденные им копии лишь верхушкой айсберга, полагая, что их было значительно больше. Он констатировал факт: «Совершенно исключительный размах приняло рукописное распространение «Изображения военных действий 1-й армии в 1812 году» — самой «закрытой» из оправдательных записок Барклая»¹³. В 1996 г. историк сделал вывод: «Изучение в этом плане Барклаевской записки находится ныне у самых своих истоков»¹⁴.

Отметим: специалисты до сих пор не осознают влияния этого документа на всю отечественную историографию, где в 1810-е годы, кроме скрытого цитирования, уже наблюдалась и скрытая полемика с известным каждому, но не называемым по имени автором. Происходило это по причине, объясненной А.П. Ермоловым в письме А.А. Закревскому от 17 апреля 1818 г.: «Ты уведомяешь меня об описании военных 1812 года действий, составленном Барклаем, и не прежде согласишься доставить оное ко мне, как взяв прежде от меня слово, что я не пушусь в дружескую с ним переписку. Если сочинение сие не печатное и не выпущенное в публику <...>, то я и не смею тебя выдавать нескромностию моею»¹⁵. Ермолов полагал, что возражать можно лишь на сочинения, появившиеся в печати за подписью автора, чего, как известно, с письмами Барклая не случилось до второй половины XIX в.

Защищая «неразгаданного Барклая», А.Г. Тартаковский добился неожиданного результата, на который он сам вряд ли обратил внимание: из его монографии явствует, что «презревшие печать» письма Барклая Александру I широко распространились в обществе до «прокутузовских» сочинений («официоза»), как их называют некоторые современные авто-

¹² *Барклай де Толли М.Б.* Изображение военных действий 1-й Западной армии в 1812 году // Труды ИРВИО. СПб., 1912. Т. 6. Кн. 2.

¹³ *Тартаковский А.Г.* Указ. соч. С. 294.

¹⁴ Там же. С.295

¹⁵ Сборник РИО. Т.73. С.275

ры) К.Ф. Толя, Д.П. Бутурлина, А.И. Михайловского-Данилевского¹⁶. Следовательно, крепкая «антикутузовская» версия оформилась раньше. Специалисты привыкли видеть в Барклае лицо страдательное, оборонявшееся от нападок общества, но факты, приведенные А.Г. Тартаковским, показывают, что он успешно напал на обидчиков и соперников. Именно благодаря сочинениям Барклая в историографии и возникла устойчивая, по выражению А.Г. Тартаковского «антитеза “Кутузов – Барклай”»¹⁷.

Работа А.Г. Тартаковского появилась в разгар перестройки и в ней по-прежнему чувствовалась сильная идеологическая составляющая, повлиявшая на выводы автора, постоянно стремившегося установить связи М.Б. Барклая де Толли с «прогрессивной общественностью»: по мнению историка, именно эти связи доказывали историческую правоту полководца, боровшегося за восстановление «доброе имени». Нельзя не согласиться с выводом ученого, что борьба эта была «беспрецедентной». Но на наш взгляд, дело здесь было не в том, что Барклай, по мнению исследователя, апеллировал к «прогрессивным кругам общественности», широко распространяя свои сочинения, «презревшие печать». Акцент следует сделать на другом: в отличие от нас, современники обоих полководцев полагали, что ударная сила «Оправдательных» писем заключается в том, что их адресатом являлся император Александр I. Книга А.Г. Тартаковского позволяет определить благодарную аудиторию, восприимчивую к открытиям «верного друга» императора. Это, безусловно, военная молодежь, далекая от командования армиями в начале 1812 г. Старшие соратники Барклая, представлявшие «военно-аристократическую олигархию», оценивали эти письма трезво: так, Главнокомандующий 3-й Обсервационной армией генерал А.П. Торماسов категорически опровергал наличие у русского командования какого-либо продуманного плана отступления в глубь России. Но для человека непосвященного все, написанное Барклаем императору, воспринималось как истина в последней инстанции, учитывая высокий пост сочинителя, использованный им, безусловно, в целях самозащиты. Историкам, опиравшимся впоследствии на «озарительный» источник, также зачастую казалось, что пером Барклая де Толли водила «истина»: «...Никем из других участников этих событий они не были избражены столь всесторонне, правдиво...»¹⁸ Но как заметил еще в середине

¹⁶ Толь К.Ф. Описание битвы при селе Бородине 24–26 августа 1812 года, составленное на основании рапортов гг. корпусных командиров Российской армии, из официальных документов неприятельских. СПб., 1839; Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. Ч. 1–2. СПб., 1823–1824; Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1–4. СПб., 1839.

¹⁷ Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 9.

¹⁸ Там же. С. С. 75.

прошлого века французский исследователь Ф. Бродель: «Не будем слишком доверяться этой еще обжигающей руки истории в том виде, в каком ее воспринимали, описывали и переживали ее современники. Она принимает очертания их гнева, их мечтаний, их иллюзий...»¹⁹

Термин, часто использовавшийся А.Г. Тартаковским — «прогрессивная молодежь,» — в наши дни сомнителен, во всяком случае — не бесспорен. Однако правдивая откровенность «демократа» Баркляя в противовес лживости «крепостника» Кутузова постепенно стала одним из любимых мифов нашей историографии. На наших глазах была создана очередная историографическая версия, под которую «подверстывались» источники. В свое время особые взаимоотношения императора и Баркляя, безусловно, способствовали укоренению версии событий начального периода войны 1812 года в изложении Баркляя. Однако сторонники этого генерала пускают из виду самое важное положение его версии: Барклай де Толли не претендует на то, что у него имелся в наличии собственный план отступления в глубь России, приписывая авторство этого плана Александру I. Именно поэтому Ф.В. Булгарин увидел в стихотворении А.С. Пушкина «Полководец», посвященном М.Б. Барклаю де Толли, прежде всего похвалу Александру I, плану которого следовали и Барклай, и Кутузов. В работах А.Н. Кочеткова, А.Г. Тартаковского, Н.А. Троицкого²⁰ приуменьшается значимость этого обстоятельства, не вписывающегося в «демократическую» концепцию авторов, усиливающую, по их расчетам, позиции Баркляя в сопоставлении с Кутузовым, которое в нашей историографии становится все заметнее. Так, например, Н.А. Троицкий рассуждает: «В некоторых значимых отношениях Кутузов как военачальник явно проигрывал в сравнении с предшественниками и современниками. Так, в противоположность суворовскому правилу “Каждый воин должен понимать свой маневр”, Кутузов приучал подчиненных к слепому повиновению. “Не тот истинно храбр, — говорил он, — кто по произволу своему мечется в опасность, а тот, кто повинуется”. Неудивительно, что, в отличие от М.Б. Баркляя де Толли, который настойчиво предлагал Александру I умерить разгул жестокой дисциплины, пока патриотизм русских солдат “не угас в результате плохого обращения и палочных ударов”, Кутузов никогда не позволял себе ничего подобного. Трудно даже себе представить, как Михаил Илларионович осмелился бы на такие демарши перед самодержцем»²¹. Автора, увлечен-

¹⁹ Braudel F. La Méditerranée et le Monde méditerranéen a l'époque de Philippe II. P., 1976. Vol. 2. P. 11–12.

²⁰ Кочетков А.Н. М.Б. Барклай де Толли. М., 1970; Тартаковский А.Г. Указ. соч.; Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002.

²¹ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 6.

ного «демократической» концепцией, не смущает даже то обстоятельство, что военачальники говорили о разных вещах: Барклай — о неуместной жестокости дисциплинарных взысканий, а Кутузов — о поведении в бою. Разве есть противоречия в высказываниях Суворова и Кутузова? Их можно соединить в одно целое по смыслу: «Каждый воин должен понимать свой маневр, а не метаться по произволу своему в опасность». Как можно, не повинаясь начальнику на поле битвы, осуществить какой бы то ни было маневр? Однако автору важно было намекнуть на превосходство Барклая де Толли.

Противопоставление обоих полководцев не сразу приобрело актуальность в советской историографии. 30 января 1946 г. военный историк профессор Е.А. Разин обратился с письмом к И.В. Сталину. Письмо собственно касалось сочинений К. Клаузевица, содержавших негативную оценку Кутузова (впрочем, оценка Клаузевицем Барклая была еще хуже)²². 23 февраля 1947 г. в № 2 журнала «Большевик» появился знаменитый ответ Сталина, критиковавшего Ф. Энгельса, высоко оценившего Барклая де Толли (статья о Барклае написана в соавторстве с К. Марксом). О Кутузове Сталин заявил: «...Полководец был бесспорно двумя головами выше Барклая де Толли». Думается, если бы это высказывание звучало бы менее декларативно, мы бы сегодня имели меньше проблем, связанных с оценкой роли Кутузова в Отечественной войне 1812 года. Проблем было бы меньше и в том случае, если бы специалисты той поры, вдохновленные словами И.В. Сталина, не дошли в своих высказываниях о Кутузове до абсурда: «Авторы изображали его надклассовым феноменом, который якобы отражал настроения и интересы русского крестьянства»²³. Однако нельзя судить их слишком строго, обвиняя исключительно в «сталинизме». Вероятно, в тех условиях это была единственная возможность сохранить историческую память русского народа: накануне Второй мировой войны имя Кутузова было исторгнуто из забвения, где оно находилось (по классовым соображениям) в первые годы советской власти. Конечно, всемерное возвеличивание русского полководца не имело ничего общего с научной оценкой его заслуг. «Его образ в свете очевидных исторических аналогий более всего подходил советскому генералиссимусу для возвеличивания собственной роли освободителя Отечества от иноземных захватчиков. Тоталитарная система управления государством и культ личности способствовали внедрению этой идеи в общественное сознание в гипертрофированных формах», —

²² Клаузевиц К. 1812 год. М., 1997. С. 64.

²³ Авалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков. 1917–1987 гг. М., 1990. С. 90.

справедливо оценивает создавшуюся вокруг имени Кутузова ситуацию И.А. Шеин²⁴.

Высказывание Сталина о Кутузове имело последствия, о которых говорится в работе отечественных исследователей: «Негативное влияние на историографию оказало противопоставление Кутузова Барклаю де Толли»²⁵. Если в дореволюционной историографии это противопоставление, основанное на личном противостоянии военачальников, уже существовало, теперь оно осложнялось привнесением идеологических соображений: борьбой за чистоту марксистско-ленинского учения против «сталинизма» и т.д. Не надо было быть особенно проницательным, чтобы понять, в каком направлении двинется историческая мысль в отношении Кутузова после развенчания культа личности Сталина. А.Г. Тартаковский, на наш взгляд, верно подметил определенную цикличность историографического явления: в годы демократизации, «оттепели», «перестройки», историки поднимают на щит Барклая де Толли, безоглядно доверяясь эпистолярному наследию полководца, воспетого Пушкиным. Заметим, что это отношение к «Оправдательным письмам» основывается, главным образом, на эмоциях, так как научного комментария к этому циклу источников пока не существует. Ученый отмечал факт общественного признания Барклая с явным удовлетворением. На наш взгляд, в этом явлении нет ничего положительного: культ Барклая так же, как и культ Кутузова, отражает настроения общества, а не уровень исторической науки, которая в данном случае оказывается чересчур тесно связана с политикой. Современный исследователь, на наш взгляд, справедливо заметил: «Нужны новые ракурсы анализа, новые подходы»²⁶, одним из которых, по-видимому, и явилась статья В.Н. Земцова²⁷, где автор отмечает: «Тартаковский увидел в русской традиции исторического осмысления событий 1812 г. определенное чередование всплесков националистических и патриархально-консервативных настроений и моментов более спокойного отношения к Западу, которые, как правило, сочетались с либеральным курсом правящих верхов»²⁸. Но в монографии Тартаковского не шла речь о Западе, который, в противовес «националисту» М.И. Кутузову, с некоторых пор стал олицетворять в историографии М.Б. Барклая де Толли²⁹. Обратившись к рапортам

²⁴ Шеин И.А. Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2002. С. 109.

²⁵ Авалихин Б.С., Дунаевский В.А. Указ. соч. С. 104.

²⁶ Давыдов М.А. Оппозиция его Величества. Дворянство и реформы в начале XIX века. М., 1994. С. 3

²⁷ Земцов В.Н. «Образ врага» в русской историографии Бородинского сражения: рождение традиции // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: Сборник материалов. К 190-летию Отечественной войны 1812 года. Труды ГИМ. М., 2002. Вып. 132. С. 246–268.

²⁸ Там же. С. 248.

²⁹ Талберг Ф. Барклая де Толли и Балтийский край. Рига, 2002.

М.И. Кутузова о Бородинской битве, В.Н. Земцов сделал, на наш взгляд, далеко идущие выводы: «Так начинала складываться официальная традиция “русского Бородина”, хотя и опиравшаяся на объяснимое ощущение победы <...>, но прибегавшая при этом к сознательным искажениям. Последнее преследовало две цели: во-первых, оправдательную (что было вполне объяснимо в случае с К.Ф. Толем, за спиной которого довольно ясно вырисовывалась фигура его начальника М.И. Кутузова), а во-вторых, идейно-политическую, связанную с деятельностью крепостнических кругов, насаждавших псевдопатриотические и, до известной степени, антизападнические настроения в русском обществе. Могло ли этому что-либо противостоять? Да, наряду с официозной трактовкой, в ходе самой войны возникла и иная тенденция, **духовно** [выделено нами — Л.И.] ей противостоящая. Она была представлена людьми декабристского поколения. Вопреки клерикально-монархическому поношению европейцев, пришедших с Наполеоном в Россию, эти люди видели в Западе не только угрозу русской жизни, но и источник свободолобивого духа. <...> К 1813 г. оформилась своеобразная группа, называемая «рейхенбахским кружком» и состоявшая в основном из гвардейских и квартирмейстерских офицеров <...>. Повествуя об историографической традиции Бородина, возникшей вокруг «рейхенбахского кружка», нельзя не остановиться на еще одной фигуре, влияние которой на первых историков 1812 г. демократического и либерального направления было несомненным. Это — М.Б. Барклай де Толли. Еще осенью 1812 г. им была подготовлена своего рода оправдательная записка “Изображение военных действий 1-й армии” <...>, написанное в жестко реалистичном духе, чуждом малейшего псевдопатриотического пафоса...”³⁰

Определение целеполагания перечисленных В.Н. Земцовым источников уже представляется спорным: волновал ли вообще Кутузова «образ врага» при составлении рапортов, которые, как известно, имели сугубо прикладное назначение — предворяли наградные списки? К.Ф. Толю, как автору «Описания сражения при селе Бородине...» от лица М.И. Кутузова было также не до «клерикально-монархического поношения» неприятеля, равно как и М.Б. Барклаю де Толли при написании «Изображения военных действий 1-й армии» были безразличны проблемы «демократии» и «либерализма». Нельзя согласиться и с тем, что рапорты Кутузова и «Описание...» Толя побудили А.С. Шишкова и Ф.В. Ростопчина к написанию «псевдопатриотических» манифестов и брошюр: граф Ф.В. Ростопчин стал сочинять свои знаменитые «афишки» задолго до приезда Кутузова к армии, так же как и А.С. Шишков — «Манифесты» от лица Императора. Оба автора во вдохновителях не нуждались. Сомнителен и критерий оцен-

³⁰ Земцов В.Н. Указ. соч. С. 255–257.

ки автором документов штаба Кутузова, «Описания...» Толя и «Оправдательных» писем Барклая. Почему М.И. Кутузов и К.Ф. Толь, сообщавшие об отступлении неприятеля с поля боя при Бородине, рассматриваются как представители «воинствующего самодержавно-крепостнического патриотизма», а Барклай де Толли, утверждавший, что неприятель, «отраженный от всех пунктов с бесчисленною потерею, удалился с места сего, можно сказать, беспримерного сражения», представлял «демократические и либеральные круги, воспринимавшие Наполеона и его армию в тираноборческом духе»³¹? Все это свидетельствует о том, что у автора статьи в уме уже сложилась версия, к которой он «подтянул» факты, выстроенные в логическую концепцию еще А.Г. Тартаковским, преемником которого В.Н. Земцов считает себя с полным основанием: оба специалиста основывают свои построения в русле «теории прогресса».

Кстати, о прогрессе. А.Г. Тартаковский перечислил в своей книге имена «прогрессивных» русских офицеров, составлявших во время Плейсвицкого перемирия 1813 г. так называемый «рейхенбахский кружок», и, по мнению специалиста, сочувственно относившихся к Барклаю де Толли: А.И. Михайловский-Данилевский, братья А.А. и М.А. Щербинины, М.Х. и П.Х. Габбе³². Историк же А.И. Михайловский-Данилевский, работая над «Описанием Отечественной войны, преследовал заветную цель: «Может быть, удастся мне представить в Кутузове идеал государственного человека...»³³ Версию о «рейхенбахском кружке», как об альтернативе патриархально-крепостническим воззрениям М.И. Кутузова и его подчиненного К.Ф. Толя, заимствовал без критической проверки и В.Н. Земцов. Но эта «идеологическая» версия — явно надуманная. А.Г. Тартаковский упустил из виду важный источник — Записки А.А. Щербинина, обратившись к которым, мы встретим совершенно в другом месте уже знакомые нам фамилии: «В феврале 1813 года, во время бытности Главной квартиры в Калише, Карл Федорович [Толь — Л.И.] пил <...> чай в своей канцелярии, как с особенным ударением любил называть ее, и которую составляли квартирмейстерские офицеры: <...> Габбе, брат мой и я».³⁴ Из этого источника видим: трое «рейхенбахцев» — это офицеры «канцелярии Толя», которого А.А. Щербинин, в частности, просто боготворил, с годами решившись создать его жизнеописание. Таким образом, надежда на «прогресс» рушится на глазах: разве могли

³¹ Там же. С. 251.

³² Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 214.

³³ Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары. 1814–1815. СПб., 2001. С. 122.

³⁴ Щербинин А.А. Записки // Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Вып. 1. Вильно, 1900. С. 16–17.

одни и те же люди одновременно олицетворяют «патриархальное крепостничество» и являться надеждой «либеральной демократии», поддерживающей Барклая де Толли?

На наш взгляд, сам термин «реабилитация», употребленный А.Г. Тартаковским по отношению к Барклаю, чей портрет украшает Военную галерею Зимнего дворца, неправомерен. Этим термином военачальник как бы приравнивается к «репрессированным» в годы «культы личности», а Кутузова критикуют особенно жестко, прикрываясь, в первую очередь, борьбой со «сталинизмом». Кстати, здесь возникает вопрос: почему отечественные историки охотно поддержали версию о том, что слава М.И. Кутузова — это издержки сталинской идеологии, но почему те же люди избегают указывать на идеологическую связь Сталина с «наполеоновской» темой, которая в нашей историографии безусловно приняла характер «режимности»? Приведу подробную цитату из статьи А.В. Гордона, относящуюся к истории создания великими историками Е.В. Тарле и А.З. Манфредом знаменитых монографий о Наполеоне. Так, ученик А.З. Манфреда вспоминает о том, как в 1970-х гг. его научный руководитель выступил с докладом перед научной общественностью по теме одной из глав будущей книги (Египетский поход): «Восхищение собравшихся было всеобщим и вполне искренним. Критическую ноту внес Б.Ф. Поршнев, который в своеобразной аллегорической форме довел до коллег свои размышления об общественном значении и идеологическом смысле заверченного Манфредом труда. “Книга рассчитана на успех и будет иметь успех”, — заявил Б.Ф. Слово “расчет” вызвало легкое раздражение у автора <...>. На мой тогдашний взгляд, однако, горше было продолжение поршневыской речи. Б.Ф. рассказал о своей поездке к горам Тянь-Шаня, о том, как в отдаленном кишлаке их принимал председатель местного колхоза-миллионера. Этот человек в ставшей знаменитой, благодаря портретам И.В. Сталина, полувоенной форме — френче со звездой Героя — устроил, как водится, пышное застолье, на котором неожиданно поинтересовался: “А что, товарищи историки, нет ли чего новенького о Наполеоне?” <...> Тем, кто брался за образ Наполеона, приходилось учитывать читательские ассоциации, закреплению которых вольно или невольно способствовал Евгений Викторович Тарле своей книгой, написанной и изданной в пору утверждения сталинского полновластия. <...> Сам историк воспринимал свой труд как правительственный заказ. Ему сообщили, кто будет первым читателем, и, естественно, еще нереабилитированный и невосстановленный в Академии автор хотел угодить вкусам высокопоставленного читателя»³⁵. Далее автор статьи продолжает: «Своим образом французского императора бывший

³⁵ Гордон А.В. А.З. Манфред — биограф Наполеона // ФЕ 2006. М., 2006. С. 48–49.

представитель *école russe* подстраивался под господствовавшие в советском обществе настроения; и общественное восприятие торжествующего режима личной власти, разумеется, не могло не отразиться в его историческом сознании <...>³⁶.

На рубеже XX и XXI столетий критические настроения в отношении М.И. Кутузова в нашей историографии заметно усилились (к тому же растражированные СМИ), что в общем-то легко объяснялось познавательной ситуацией, вырвавшейся из жестких тисков идеологии. Начало было положено монографией Н.А. Троицкого «1812. Великий год России» (М., 1988). В числе достоинств этой книги следует признать: она честно написана. В ней оговаривается «методологическая основа» критических взглядов автора: «Классики марксизма-ленинизма оставили нам ряд конкретных работ и основополагающих высказываний о войне 1812 г. — ее происхождении, характере, событиях и людях, итогах, последствиях и значении. Не все наши военные историки освоили это богатейшее наследие»³⁷. По крайней мере, читателю было ясно, откуда раздастся залп критики, но долго пользоваться «богатейшим наследием» не пришлось. В монографии Н.А. Троицкого «Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты» (М., 2002) методологическая основа критики полководца уже не оговаривалась. О «марксизме-ленинизме» как о «единственно верном учении» автор уже не упомянул, в его книге от прежних методологических установок осталось лишь «охвостье» — борьба со «сталинизмом». Автор, безусловно, привлек для исследования значительное количество источников, которые, на наш взгляд, нуждаются в научном толковании: исторический источник не может быть выхвачен из контекста эпохи и истолкован в соответствии с современными понятиями автора. Это — неисторично, как неисторично, на наш взгляд, и заявление автора: «Я ставлю своей задачей <...> уточнить истинный масштаб личности фельдмаршала»³⁸. Но историк не провозглашает истину в последней инстанции, он предлагает свой, по возможности непротиворечивый и научно сбалансированный взгляд на историческую личность, основанный на источниках. Причем, цитата сама по себе еще ничего не поясняет и не доказывает без подробного комментария к источникам, откуда эти цитаты заимствованы. Отбросив «классовый» подход к истории, Н.А. Троицкий сосредоточил критику на нравственных качествах и полководческих способностях М.И. Кутузова, блестящая карьера которого, по мнению автора, связана, главным образом, с придворной ловкостью и угодливостью. «По возвращении из-за границы, 28 июня 1777 г., Кутузов был произведен в полковники, а затем, *в мирное*

³⁶ Там же. С. 50.

³⁷ Троицкий Н.А. 1812: Великий год России. М., 1988. С.5

³⁸ Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С.4.

время [выделено нами – Л.И.], между двумя русско-турецкими войнами 1768–1774-го и 1787–1791 гг., получил два следующих чина – бригадира (1782) и генерал-майора (1784)», – пишет Н.А. Троицкий³⁹. Сразу же в душу закрадываются нехорошие сомнения: что это за генерал мирного времени? Чем он мог заслужить подобное продвижение по службе? Историк почему-то не счел нужным упомянуть, что Кутузов находился там, где война фактически не прекращалась: 1782–1784 гг. – это время присоединения Крыма к России! Н.А. Троицкий сделал в адрес М.И. Кутузова и другое не менее странное замечание, подспудно наводящее читателей на мысль о тотальном превосходстве М.Б. Барклая де Толли: «Единственный военно-теоретический труд Кутузова “Примечание о пехотной службе вообще и о егерской особенно” (1786) информативен тактически, но для теории малозначим, уступая в этом не только трудам Суворова и Румянцева, но и таким документам М.Б. Барклая де Толли, как “Воинский устав о пехотной службе” и “Наставление господам пехотным офицерам в день сражения”»⁴⁰. Еще в начале прошлого столетия П. Симанскому удалось доказать, что предположение В.И. Харкевича о том, что автором «Наставления» являлся Барклай – ошибочно⁴¹. Автором документа, первоначально носившим название «Наставления господам пехотным офицерам Нарвского пехотного полка» являлся М.С. Воронцов. Причем, в основе этого сочинения – «Правила для французской армии, составленные Императором Наполеоном». По мнению К. Симанского «Наставления» Воронцова были переработаны князем П.И. Багратионом, распространены во 2-й Западной армии и затем использованы при составлении Устава 1816 г. Непонятно, почему «Примечания о пехотной службе» Кутузова, на основании личного богатого опыта впервые разработавшего для русской армии правила содержания, обучения, маневрирования, поведения егерей в бою «малозначимы для теории»? Если сравнить тексты обоих документов, то сразу же становится очевидным, который из них потребовал больше знаний, опыта, труда. Нельзя не согласиться с издателем «Примечаний», что «трактат о пехотной и егерской службе – блестящий образец Кутузова – военного теоретика»⁴². Показательна и оценка Н.А. Троицким роли М.И. Кутузова при Бородине, которая была и остается дискуссионной проблемой, не решаемой «с наскока», как в монографии Н.А. Троицкого. Ученый даже не утруждал себя выяснением, где находился М.И. Кутузов во время Бородинского сражения, поместив командный пункт

³⁹ Там же. С. 61.

⁴⁰ Там же. С. 5.

⁴¹ *Симанский П.Н.* Два наставления // Русский инвалид. 1912. № 176.

⁴² Примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно // Михаил Илларионович Кутузов. Тактика победы. М., 2011. С. 4.

полководца в шести верстах от поля битвы! Вслед за Барклаем Троицкий склонен считать, что Кутузов допустил «величайшую ошибку», разместив главные силы русской армии на правом фланге, что следовало сократить фронт, чтобы добиться решительного результата и т.д. Н.А. Троицкий рассуждает так: «Мы восхищаемся героизмом защитников флешей и батареи Раевского, отражавших атаки вдвое, а то и втрое превосходящих сил, но не задумываемся над тем, что русское командование <...> обязано было не допустить на решающих участках битвы <...> какого бы то ни было превосходства неприятеля в силах»⁴³. Подобным образом рождалась антилегенда, согласно которой Кутузов, обладая превосходством сил, дал себя разгромить при Бородине. Позиция Н.А. Троицкого в отношении Кутузова при Бородине представляется непоследовательной: беспощадно осудив Кутузова вопреки «лжепатриотам», он закончил свои рассуждения неожиданным выводом: «... Все равно французы вряд ли могли рассчитывать на лучший для них исход, ибо дело здесь не столько в Кутузове и Наполеоне, сколько в русском солдате. Русский солдат, плоть от плоти своего народа, — вот главный герой Бородина»⁴⁴. Заметим, что в этом случае Кутузову вообще не о чем было заботиться.

Далее приведем лишь некоторые примеры того, как свободно Н.А. Троицкий обращается с источниками, «подверстывая» их под свою концепцию. «Поскольку же Кутузов не устроил Александра I как хозяин столицы [генерал-губернатор Петербурга — Л.И.], царь дал волю и чувству “нерасположения” к нему, которое имеет свои причины, — уверенно рассуждает Н.А. Троицкий, придерживаясь своей излюбленной версии. — Чрезвычайно осведомленный в закулисных делах петербургского двора граф Ж. де Местр считал: “Император по той или иной причине недолюбливает его. Возможно, из-за слишком уж большой угодливости. Государь этого не переносит; я, например, знаю, как однажды он сказал с презрительной гримасой про некоего министра: “Этот человек ни разу не возразил мне”. Александр I, продолжает де Местр, “ставил ему в вину, по крайней мере в собственных глазах, двуличие, себялюбие, развратную жизнь и пр.” Сказано резко, не без преувеличений, но в принципе верно. Александр Павлович, конечно, знал и о «кофейнике Кутузова», и о других фактах его угодливости, о двуличии и волокитстве «одноглазого сатира». Гиперболическая <...> почтительность Михаила Илларионовича к самому Александру I могла вызвать у царя при всем том, что он знал о Кутузове, только “нерасположение” к нему»⁴⁵. Трудно принять ссылку на графа Ж. де Местра в качестве эксперта, в 1802 г. «чрезвычайно осведомленного в закулисных

⁴³ Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов. С. 5.

⁴⁴ Там же. С. 181.

⁴⁵ Там же. С. 95–96.

делах петербургского двора», ввиду того что де Местр прибыл в качестве посланника Сардинии в Петербург только 13 мая 1803 г., то есть почти через год после отставки Кутузова! Что касается «двуличия, себялюбия, развратной жизни и пр.», то здесь возникают следующие соображения: пассаж Ж. де Местра о «развратной жизни» Кутузова (как и все остальное) взят из письма от 2–3 сентября 1812 года⁴⁶; следовательно, также не имеет никакого отношения к событиям 1802 г. Ж. де Местр имеет в виду увлечение Кутузова юной госпожой Гулиани в период Молдавской кампании 1811–1812 гг. По замечанию Н.А. Троицкого у М.И. Кутузова было «патологическое влечение» к женскому полу, да еще он и не считал нужным скрывать от посторонних глаз своих разновозрастных «повелительниц». Действительно, граф А.Ф. Ланжерон сообщил в своих «Записках» о неприглядных, с точки зрения, морали и нравственности, поступках нашего героя: «Первым делом Кутузова, по приезде в Бухарест, было отыскать себе владычицу; сделать это было совсем не трудно, но его выбор поразил нас. Он пал на 14-летнюю девочку, племянницу Ворлама и бывшую уже замужем за одним молодым боярином Гунианом. <...> Она очень понравилась Кутузову и он, хорошо зная валахские нравы, приказал ее мужу привести ее к нему, что он и исполнил. На следующий день Кутузов представил нам свою возлюбленную и ввел ее в общество, но к несчастью этот ребенок скоро начал иметь на нас большое влияние и пользоваться им исключительно для себя и своих родных. Когда 64-летний старик, одноглазый, толстый, уродливый, как Кутузов, не может существовать без того, чтобы иметь около себя трех-четыре женщины, хватаясь этим богатством — это достойно или отвращения или сожаления <...>»⁴⁷. Однако следует обратить внимание, что Кутузов почему-то не предавался порокам тайно, а окружал себя женщинами с целью продемонстрировать их обществу. Но какому обществу! Приглашая любимую дочь Елизавету Михайловну в Бухарест, чтобы отвлечься от невзгод и получить облегчения от болезней, любящий отец сообщает ей: «Ты увидишь новые лица, между прочим, замужнюю женщину 13–14 лет, такую простушку и забавную»⁴⁸. И здесь поневоле возникает чувство, что мы имеем дело с мистификацией, спектаклем, который можно разыгрывать даже в присутствии домочадцев. «Выватив» из контекста времени только один исторический персонаж, мы мало что поймем. И снова цитата: «Я слышал, что, когда князь Куракин собирался в Париж послом, для него были приготовлены богатые покои, роскошные экипажи и метресса, которую он, кажется, никогда не видал, хотя карета

⁴⁶ Местр Ж. де. Петербургские письма. 1803–1817. СПб., 1995.

⁴⁷ Ланжерон А.Ф. Указ. соч. С. 315.

⁴⁸ Князь Голенцев-Кутузов-Смоленский М.И. Письма к дочери графине Е.М. Тизенгаузен // Русская старина. 1874. № 6. С. 345.

посла обязывалась стоять у ее крыльца по два часа в день⁴⁹. Кто в наши дни сможет объяснить для чего князю А.Б. Куракину, принадлежавшему к тому же возрасту и общественному кругу, что и М.И. Кутузов, нужна была «метресса», которую он «никогда не видал», но афишировал свои отношения посредством «дежурства» кареты с его гербом у ее двери? Для этого историк и изучает источники, выясняет, кем, когда и с какой целью они создавались. Сведения о каждом отдельно созданном источнике излишним было бы вписать в данные исследований «культурных инвариантов» — образцов сознания и поведения людей в эпоху 12-го года. Без этого чего стоит упрек Н.А. Троицкого в адрес М.И. Кутузова по поводу того, что даже фортуна представлялась полководцу в виде белокурой женщины! «Нам не понятна самая идея — выражать чувства с помощью Афродиты-Венеры или Посейдона-Нептуна. А XVIII веку это почему-то было нужно. Античная мифология жила глубоко в сознании XVIII века. Мраморные сатиры и нимфы, что выглядывали из зелени его парков, крылатые психеи, что вились среди лепнины его потолков, амурсы, что кувыркались по карнизам, — все это было не просто украшением, это жило особой жизнью — жизнью воображения. Реальные образы двоились, вместе с луной вставала Артемида — Диана — в окружении звезд с месяцем во лбу она выезжала на колеснице; холодный ветер представлялся Бореєм; человеческие качества являлись в античных одеждах: красота — Венерой, доблесть — Марсом, а Мудрость — Минервой», — отмечает автор-искусствовед⁵⁰. Историк ли не знать, что люди той эпохи мыслили конкретными образами, а не отвлеченными понятиями!

С точки зрения Н.А. Троицкого, особенно «убийственны» для репутации Кутузова сведения об его успешной придворной карьере. Безусловно, в историографии советского периода эта тема не возникала. В настоящее же время сведениями о том, что Кутузов, говоря словами А.П. Ермолова, был «неодолимым ратоборцем» на поприще дворцовых интриг мало кого можно шокировать. «Всегда царедворец, всегда солдат» или «вельможа и государственный человек» — обычные формулировки, подчеркивающие достоинства деятелей екатерининского времени. Кстати, и «прогрессивная общественность» в лице декабристов к этому явлению относилась положительно. Вспомним красноречивое заявление М.И. Муравьева-Апостола: «Батюшка нам говорил, что мы никогда не пойдем громадного переворота, совершившегося у нас в России со вступлением Павла I на престол. Наши начальствующие генералы 1812 г. принадлежали царствованию Екатерины II; обхождением и познания-

⁴⁹ Воспоминания графа В.А. Соллогуба. Спб., 1993. С. 54.

⁵⁰ Чайковская О.Г. «Как любопытный скиф...» Русский портрет и мемуаристика второй половины XVIII века. М., 2001. С. 35.

ми они резко отличались от александровских генералов»⁵¹. Таким образом, брату одного из пяти повешенных декабристов «аристократическая фронда» екатерининских вельмож гораздо ближе, чем историкам-«демократам», видящим в них «военно-аристократических олигархов» и «патриархальных крепостников». А вот отповедь В.И. Левенштерна, участника Отечественной войны 1812 года, на замечание А.С. Пушкина «о кофейнике Кутузова», в котором полководец лично заваривал по турецкому рецепту кофе для екатерининского фаворита П.А. Зубова, также упоминаемого в монографии Н.А. Троицкого: «Я имел случай наблюдать каждый день, как голубые ленты умеют гнуться и, в случае надобности, стужеваются. Но я замечал, что, делая эти раболепные поклоны, люди не утрачивали хорошего тона и манер настоящих вельмож; при Дворе еще существовали манеры и тон века Людовика XIV; в обращении с вельможами и в преклонении перед людьми, стоявшими в то время у власти, не было ничего резкого, даже люди гордые и низкопоклонные были вежливы, соблюдали известные приличия. Князь Зубов причесывался при них, и их одежда была покрыта пудрою, но они, не счищая ее и проходя по другим залам, гордились тем, что могли сказать и даже доказать с полной очевидностью, что они были у него. И однако тот же гордый и высокомерный князь Зубов ни перед кем не возвышал голоса; этого бы никто не потерпел! Присутствовать при туалете — не противоречило тогдашним нравам, но относительно всего другого все требования вежливости и все то, чего требовала честь, соблюдалось строго»⁵². На наш взгляд, абсолютное прав С.О. Шмидт: «Историко-культурной же проблематике, а тем более историко-психологической в трудах историков уделялось значительно меньше внимания...»⁵³

Сейчас незачем делать секрета из общепринятых норм того времени: Кутузов вряд ли бы оказался на посту Главнокомандующего в 1812 году, если бы не его связи при Дворе. Заметное положение при Дворе (желательно в сочетании с выгодной женитьбой) — почти единственный в те времена способ занять высокую должность по службе и, главное, удержаться на ней, иногда даже вопреки благоволению Государя. Пример Кутузова — не исключение, а, скорее, правило. Любимец армии князь Петр Иванович Багратион начинал службу при штабе светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического, затем вступил в брак с родственницей царской фамилии фрейлиной графиней Е.П. Скавронской, с 1803 г. являясь бессменным

⁵¹ Воспоминания и письма М.И. Муравьева-Апостола // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 167–168.

⁵² *Левенштерн В.И.* Записки // Русская старина. 1909. Кн. 3. С. 272.

⁵³ *Шмидт С.О.* Общественное самосознание российского благородного сословия. XVII — первая треть XIX века. М., 2002. С. 102.

комендантом Павловска, резиденции вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Как отмечал А.П. Ермолов, он вовремя «сделал сильные связи у Двора» и «укрепил их обязательным обхождением». И за спиной Военного Министра Михаила Богдановича Барклая де Толли, издавна импонирующего историкам своей «неловкостью у Двора», постоянно угадывается фигура Александра I. В 1813 г. «неразгаданный Барклай» благополучно «восстановил свою репутацию», получив в командование армию, в 1814 г. он был возведен в чин фельдмаршала за взятие Парижа, в 1815 г. — пожалован титулом князя, при этом он довольно свободно распространил свои «Оправдательные письма». Стоит ли объяснять, кто за всем этим стоял? «Цари не ошибаются, по крайней мере, не могут сознаться в своих ошибках так, чтобы другие заметили их ошибку»⁵⁴. Если бы не это обстоятельство, на которое прямо указал военный историк А.И. Михайловский-Данилевский, мы сейчас вряд ли сравнивали бы полководческие способности Барклая и Кутузова. К этому можно добавить, что защитники «демократа» Барклая явно не держали в руках книги Ф. Талборга «Барклай де Толли и Прибалтийский край» (Рига, 2002). Из этого издания явствует, что за годы пребывания на посту военного министра «вождь несчастливый» с успехом поправил свое материальное положение, скупая имения не только в Лифляндской, но и в Могилевской губерниях. Используя служебное положение, Барклай «пристроил» на службу своих многочисленных родственников, которых Ермолов с меткой иронией окрестил «фабрикой героев». Барклай не совершал ничего предосудительного. Он, как и Кутузов, жил по законам своего времени.

Итак, прежнее замалчивание «неудобных» эпизодов из жизни фельдмаршала в наши дни привело к другой крайности. Это происходит потому, что факты из жизни Кутузова приравниваются к современным понятиям, а не к малознакомым нормам и правилам теперь уже такого далекого XVIII столетия. Что может быть справедливее слов П.А. Вяземского, предостерегавшего от опрометчивых выговоров прошлому: «Вообще наши убеждения, критики, порицания, наши мнения, понятия, взгляды лишены способности отречься, хотя условно, от настоящего дня, от мимотекущего часа. Мы не умеем переноситься в другое, несколько отдаленное время; мы не умеем мысленно переселяться в другую среду и в другие отжившие лица. Мы не к ним возвращаемся, как бы следовало, когда судили их. Мы насильственно притягиваем их к себе, к своему письменному столу, и тут делаем над ними расправу»⁵⁵.

⁵⁴ Мнения генерала Михайловского-Данилевского о двух записках, представленных князем Барклаем де Толли императору Александру I // РГВИА. Фонд Военно-ученого архива. Д. 3465. Ч. IV. Л. 393.

⁵⁵ *Вяземский П.А.* Мемуарные заметки // *Державный сфинкс.* М., 1999. С. 389.

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>